

УДК 338.12.015

КНР: актуальные социально-экономические тенденции

Аннотация. Автор анализирует основные тенденции развития современной социально-экономической системы Китая. Особое внимание уделено городской экономике, социально-демографическим вопросам. На основании статистических данных и макроэкономических показателей сделаны выводы о некоторых результатах экономической политики государства. Затронуты актуальные трендообразующие факторы, а также вопросы урбанизации, миграции, роста имущественного расслоения, изменения потребительских предпочтений, ментальности и другие проблемы китайской экономики. Помимо этого, рассматривается хронологический аспект (генезис и развитие), указаны основные причины феноменального роста экономики КНР.

Ключевые слова: экономика Китая; институциональная экономика; демография; городская экономика; урбанизация; технологии; индекс Джини; Дэн Сяопин; социализм с китайской спецификой.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current development trends of modern socio-economic system of China. This paper also involves some issues related to urban economy, socio-demographic questions, in accordance with statistical and macro data author made a few conclusions about the results of the state economic policy since the beginning of reforms of market openness. Moreover, author investigates main trend factors such as issues of urbanization, migration, the growth of property stratification, shift of consumer preferences, the influence of mentality and other problems of the Chinese economy. In addition, investigation considers the chronological aspect (genesis and development) and the main reasons of the phenomenal growth of the Chinese economy.

Keywords: Chinese economy; institutional Economics; demography; urban economy; urbanization; technology; the Gini index; Deng Xiaoping; socialism with Chinese characteristics.

**Платонов
Иван Александрович,**
студент
Финансового университета
✉ ivan.pltnv@yahoo.com

Тридцать лет назад мы не видели небоскрегов, не знали, что такое магистраль и реклама, магазинов имелось мало, товаров в них тоже. Но небо было ярко-голубым.

Юй Хуа¹

¹ Юй Хуа (род. 1960 г.) – китайский писатель-авангардист.

Индустриальный бум, немного приподнившийся, но самый громкий в истории человеческой цивилизации; огромные демографические возможности и, как следствие, емкие внутренние рынки товаров, труда, капитала; последовательная и взвешенная экономическая политика, грамотное административное регулирование; социальная стабильность; отсутствие глобальных империалистических амбиций; замороженный и локализованный исторический реваншизм; существование и перманентная «подпитка» национальных идей...

Можно продолжать этот список, вынужденно отклоняясь от курса на рассмотрение поставленных вопросов через социально-экономическую призму. Генри Киссинджер в труде

Научный руководитель: **Сумароков Е.В.**, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Мировая экономика и международный бизнес».

«О Китае» провел наиболее точную на сегодняшний день параллель, сопоставив экономическую (и не только) политику западных стран и Китая с наиболее популярными в той и другой цивилизации интеллектуальными играми. На Западе это динамичные, разнообразные шахматы, где у фигур абсолютно разные возможности, функции и роли. В Китае это статичная, более сложная для анализа игра «го» (кит. 围棋), где нет западной «стихийности», есть лишь долгосрочный расчет – последствия ошибочных решений могут проявиться только через несколько десятков ходов и даже к концу партии [1].

Начать следует с того, что фундамент для последующих реформ был построен за несколько десятилетий до их воплощения в жизнь. Конфуцианская идея непоколебимой государственности получила новую жизнь в коммунистических сказках, декларируемых повсеместно на примере советского эксперимента не без помощи деятелей последнего. В Китае нет и никогда не было такого явления, как «легитимность извне», патернализм существенно пошатнулся лишь единожды – 4 июня 1989 г.

В настоящее время новоявленная (в исторических масштабах) «Мастерская мира» продолжает расти высокими темпами, если ссылаться на традиционные макроэкономические количественные агрегаты, например на ВВП [2]. Что касается качественных характеристик этого «феноменального» роста, для их полноценного понимания рассмотрения только экономических проблем, их причин, следствий и т.д. *a prima facie* недостаточно. Структурный анализ статистических мерил вроде ВВП также не всегда позволяет определить фундаментальные причины нынешних экономических процессов.

Экономисты, исследовавшие данный вопрос, формально разделились на два лагеря. Эксперименталисты (Т. Ровски, Г. Джефферсон, П. Нолан и др.) определяют нынешнее состояние китайской экономики как результат проведения успешных политических экспериментов. Они считают, что появление и развитие некапиталистических институтов в Китае способствовало дальнейшему росту экономической системы. В работах этих ученых можно встретить выводы о том, что капиталистическим странам есть чему поучиться у реформировавшейся КНР. Центральный момент в них – *ex-post* когерен-

тность проведенных реформ. Эту насквозь градуалистическую концепцию отличает также положительная оценка явлений, происходивших в сельском хозяйстве и государственном секторе.

Основные тезисы оппонентов авторов вышеописанной концепции принижают роль градуализма в китайских реформах, главным драйвером развития сторонники этой теории считают аутентичность сформировавшейся системы в отдельных отраслях. Так, например, кризис сельского хозяйства начала 1980-х гг. объясняется в исследовании Т. Ханстада, Р. Простермана и П. Ли «Может ли Китай прокормить себя?» тем, что директивы руководства страны далеко не сразу доходили до локальных хозяйствующих субъектов: помимо расширенного до предела бюрократического аппарата значительную роль играл экономический оппортунизм на местах [3, с. 90–96]. Таким образом, экономические успехи Поднебесной, по мнению исследователей, возникли в неразрывной связи с проводившейся ранее государственной политикой, но, в сущности, являются результатом спонтанных (во многом – рыночных) явлений.

Китайскую экономику невозможно рассматривать как статичную систему, хронологический аспект играет важнейшую роль в этом вопросе. Пристальное внимание следует уделить демографии, ведь именно фактор населения, будучи в некотором роде синтезом количества (численность) и качества (квалификация, образование и т.д.) играет основополагающую роль в экономических успехах той или иной системы. Совершенно очевидно, что в настоящее время этот самый естественный, рассматриваемый как объективный, фактор – единственное, что удерживает КНР в рядах развивающихся стран. Причина абсолютна и элементарно объясняется математически: численность населения – постоянный знаменатель большинства сравнительных показателей, индексов и пр.

Безработица – наверное, важнейшая из проблем на стыке экономической и социальной сферы. При миллиардном населении китайскому государству необходимо проводить взвешенную и постепенную политику в этой сфере. Нельзя не отметить успехи при внедрении принципа «железной чашки с рисом» (铁饭碗), начало которой было положено еще при политике «большого скачка». Подобные стратегии сейчас

принято называть «уровниловкой». Однако такое мнение ошибочно, ведь согласно принципу «железной чашки» предполагается лишь трудовая стабильность для маргинальных слоев населения, вопрос уменьшения доходов других слоев не рассматривается.

У вышеописанной политики есть существенный минус — ввиду огромных масштабов страны и демографических проблем власти не в силах создать рабочие места для жителей всех регионов, поэтому вводится географическое ограничение, а именно: этот ход распространяется только на города. Экономический дисбаланс между такими системными категориями, как «город» и «деревня», во всех его проявлениях — наверное, главный вопрос китайских реалий. Помимо очевидного имущественного расслоения населения в принципе (индекс Джини в КНР с 1974 г. вырос почти вдвое), растет также и расслоение по схеме «богатый восток — бедный запад»: экономика нуждается в развитии потенциально прибыльных территорий. Выбор векторов внутреннего инвестирования в этом случае — лишь пример экономической оптимизации, в методах которой «творческого» начала не содержится [3, с. 14]. Экономико-географическое положение является скорее исторической категорией, «бэкграундом», который был и остается наиболее весомой переменной при принятии инвестиционных и бюджетно-распределительных решений в крупных странах.

Еще полвека назад капитал считался (и являлся) более мобильным фактором, чем его «коллега» по функции Кобба-Дугласа — труд. Сейчас в связи с техническим прогрессом, развитием логистики, путей сообщения, образования, межкультурного взаимодействия и прочими глобальными процессами ситуация развернулась на сто восемьдесят градусов: мобильность труда не только возросла, но и в большинстве сфер экономической жизни общества приобрела обязательный характер. Исследуя вопросы трудовой миграции в Китае, можно отметить следующее:

- Сохраняется географический вектор с Запада на Восток.
- Миграционным процессам сопутствует ускоренная урбанизация (в 2015 г. этот показатель достиг 56%, 20 лет назад был меньше в 2 раза [4]. Таким образом, учитывая динамику роста численности населения, можно посчитать:

около 300 млн чел. за 20 лет переместились из деревни в город).

- Помимо внутренней миграции, наблюдается внешняя миграция из стран Азиатско-Тихоокеанского региона: на юге львиная доля — граждане Вьетнама, на севере — беженцы из Северной Кореи.

- Правительство не торопится демонстрировать последовательный политический курс на контроль и регулирование миграционных процессов: с одной стороны, высокий уровень пространственной мобильности населения создает дополнительные (помимо уже описанного дисбаланса) социальные проблемы, ставит вопросы обеспечения безопасности и др.; с другой стороны, чрезвычайно благоприятно влияет на такие сферы экономики, как, например, транспорт, страхование, логистика.

Одна из наиболее показательных детерминант экономического развития — средний класс, его количественные и качественные характеристики (численность, структура, концентрация).

В 2001 г. более 40% жителей Китая находились за чертой бедности. За 10 лет их число сократилось почти в 4 раза [5, с. 2]. В то же самое время абсолютная численность граждан КНР, принадлежащих к среднему классу (中产阶级), увеличилась более чем в 6 раз и достигла 200 млн чел. [5, с. 2]. Из этого следует, что традиционный для развивающихся стран «треугольник» экономического расслоения достаточно быстро превращается в «ромб» развитых стран. Несмотря на это, не стоит забывать о том, что около 100 млн чел. все еще находится за чертой бедности. Следуя Декарту и смещаясь еще на десятилетие влево по хронологической оси абсцисс, отмечаем, что достаток среднестатистической китайской семьи начиная с 1990 г. увеличился более чем в 10 раз [6].

Социальная сфера и тенденции изменения общественных процессов часто показывают, насколько то или иное общество готово к экономическим, технологическим и прочим экстернальным по отношению к социальной сфере воздействиям. Ключевое явление здесь — «смена поколений». Массовое сознание китайского народа уже несколько десятилетий не подлежит тоталитарной реставрации, понятия «культура» и «революция» коррелируют все меньше, а партия становится скорее рудиментом, чем

всесторонним регулятором. Рассматривая новое поколение китайцев, следует прежде всего обособить эту группу населения по признакам, уже затронутым ранее (географический, имущественный), добавляя к этому перечню вопрос образования, который, в свою очередь, также связан с указанными прежде.

Итак, рассматриваемый эталонный представитель китайского поколения Y² (выбор пал на этот демографический слой в силу наибольшей экономико-статистической значимости) с наибольшей вероятностью проживает в восточной части страны, имеет отличные от остроконсервативных (老古板) взгляды на экономику, культуру, место КНР в мире, возможно даже является членом партии (сегодня в КПК около 88 млн чел.). Следующим признаком следует назвать наличие относительно свободной части дохода лица или домохозяйства – это условие обязательно для анализа потребительского поведения, потребительского выбора в рамках рыночной экономики. Ориентируясь на введенные ограничения, отметим наиболее важные особенности поколения Y:

1. Коммунистическая концепция равенства плавно перешла в абсурдно примитивную и животную идею 高富帅 (дословно: «высокий, богатый, красивый») для мужчин и 白富美 (дословно: «белокожая, богатая, красивая») для женщин. И если в западном мире в связи с долгосрочным формированием цивилизационного сознания вопрос превосходства во многом лишь стимулировал и продолжает стимулировать конкуренцию, что неизменно ведет к развитию, то здесь, при менее чем вековом опыте капиталистических отношений, подобного рода связи не наблюдаются; конфуцианская идея о специфической роли каждого члена общества тоже отходит на второй план, феномен государственности переживает времена негласной неопределенности. Развитие понимается как необходимость. Почти не осознанная (и по Спинозе – тоже). В новомодном, введенном по аналогии с более архаичным заокеанским, понятии «китайская мечта» нет той «китайской

специфики», закладываемой в свое время командой Дэн Сяопина. Таким образом, на смену традиционным патриархальным восточным устоям приходят отголоски «дикого капитализма», впитываемые стихийно и с разных сторон без доли равномерности [7].

2. С повышением общего уровня жизни, ростом потребительских доходов населения увеличивается и совокупный внутренний спрос. Здесь важнейшим конкурентным преимуществом для производителей становится маркетинг. Представители поколения Y, росшие при старте этого «бума», наблюдавшие грандиозные изменения, – первые, в чьей экономической жизни появились и получили быстрое развитие такие явления, как реклама, мерчандайзинг, потребительское кредитование и т.д. На новый многомиллионный рынок хлынули транснациональные компании. Что примечательно, последним практически не пришлось адаптировать маркетинговую политику под «азиатские предпочтения». Потребитель съедает и продолжает съедать все. В прямом и переносном смысле. Последнее, как показала практика, касается не только товаров FMCG, но и таких «статусных» товаров, как автомобили, бытовая электроника и электротехника. Стоит отметить, что уже несколько лет более четверти продаж компании *Apple* приходится на Китай, что показывает не только уровень доходов домохозяйств в стране, но и приверженность населения к брендовой продукции [8]. Китайские производители, в последнее время сменившие вектор «наружу» на «внутри», взаимодействуя с государством, достигли огромных успехов в вопросах ввозных квот и пошлин. Итог: товарная корзина, большую часть которой составляет импортная продукция, может считаться еще одним признаком принадлежности домохозяйства к среднему классу.

3. Интернет – главное трендообразующее явление современной экономической системы КНР. Платежные сервисы *AliPay*, *WeChat Payment*, *UnionPay*, *Baidu Wallet* уже давно заменили наличные средства в экономической жизни абсолютного большинства представителей рассматриваемого социально-экономического слоя. Так, в типичной очереди в современном китайском супермаркете обязательно найдутся несколько человек, оплачивающих покупку с помощью смартфонов. Даже мелкие уличные торговцы

² Миллениалы или Поколение Y – родившиеся после 1981 г., встретившие новое тысячелетие в молодом возрасте; характеризуются глубокой вовлеченностью в цифровые технологии.

зачастую имеют электронный счет, куда при помощи QR-кодов приходит оплаченная сумма. В Китае существует собственная версия «Черной пятницы» – 11 ноября (光棍节 – «день холостяка»), однако, в отличие от американского аналога, основной акцент делается на интернет-покупки. Например, 11.11.2013 г. на территории КНР в онлайн-режиме было куплено товаров более чем на 4 млрд долл. США. Для сравнения, в «Киберпонедельник» того же года жители США потратили только 1,5 млрд долл. США [9, с. 10]. Отдельный вопрос – промежуточное звено между сторонами потребительского спроса и предложения – доставка купленного в сети товара, декларируемая зачастую как «бесплатная»: службы доставки (快递) бесперебойно работают во всех без исключения крупных городах, а доставщик на электромопеде стал неотъемлемой частью городского пейзажа. Потребительский сектор Китая в наши дни – это масштабный, быстрорастущий и «ленивый» рынок, регулярно подстраивающий достижения научно-технического прогресса под постоянно обновляющиеся условия.

4. Будучи одним из наиболее важных неофициальных показателей потенциалов урбанизации и роста количества способных считаться «средним классом» домохозяйств одна из частей ресторанного рынка, а именно – фаст-фуд, отличается не только непрерывным ростом, но и невероятной конкуренцией (вплоть до информационных войн) между локальными игроками и международными корпорациями [10]. Так, например, в связи с выявлением нарушения санитарных норм в одном из ресторанов *McDonald's* в 2014 г. и последующим освещением инцидента в СМИ предпочтения представителей стороны спроса данного сегмента сдвинулись в сторону локальных компаний [11]. Стоит учесть, что одним из фундаментальных явлений в процессе формирования этого спроса является потребительское мышление категориями «западное (импортное) – китайское (отечественное)», и, если одна из западных компаний оказывается вовлеченной в подобный конфликт, то локальный спрос падает и у других задействованных в рынке быстрого (и не только) питания экономических агентов развитых стран.

Глобальные технологические процессы, государственная политика, ориентированная прежде всего на экономическую систему, еще

до конца не раскрытый внутренний потенциал, создание и способствование развитию экономических явлений инновационного характера [12] – все это способствует продолжению широкомасштабного развития экономики Китая даже на фоне замедления экономического роста, экологических, демографических и прочих актуальных проблем. И если Дэн Сяопин более 30 лет назад озаглавил свой экономический курс китайской пословицей 摸着石头过河 (переходить реку, нащупывая камни), то в настоящее время его соотечественники уже построили лодку и научились пользоваться веслом.

Литература

1. H. Kissinger, *On China* (New York: Penguin Press, 2011). ISBN 978-1-59 420-271-1.
2. China GDP data. Электронный ресурс. URL: <http://www.tradingeconomics.com/china/gdp> (дата обращения: 15.04.2016).
3. R. Prosterman, T. Hanstad, P.Li. Can China Feed Itself? *Scientific American*, November 1996.
4. CNTV, China urbanization rate reached 56% in 2015. Электронный ресурс. URL: <http://english.cntv.cn/2016/01/30/VIDEf3nCcрAilTmx5J17brHD160130.shtml> (дата обращения: 07.04.2016).
5. IMF 2015 (S. Cevik, C. Correa-Caro) Growing (Un) equal: Fiscal Policy and Income Inequality in China and BRIC+.
6. Rakesh Kochhar. China's middle class surges, while India's lags behind. July 15, 2015.
7. Deng Xiaoping, on 30 June 1984 at a Central Committee plenum, in a speech discussing Marxist theory.
8. UNITED STATES SECURITIES AND EXCHANGE COMMISSION Form 10-K APPLE INC. For the fiscal year ended September 28, 2015.
9. Annalyn Censky. China's middle-class boom, 2012.
10. Я. Рождественская. McDonald's хочет захватить Азию. *Коммерсантъ*. 31.03.2016. Электронный ресурс. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2952047> (дата обращения: 07.04.2016).
11. Antonio Graceffo. A Look at China's Middle Class. January, 2016.
12. Котляров Н.Н., Гао Тяньмин. Экономические аспекты функционирования особых экономических зон в условиях глобализации (на примере Китая) // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2009. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-funktsionirovaniya-osobyh-ekonomicheskikh-zon-v-usloviyah-globalizatsii-na-primere-kitaya> (дата обращения: 29.05.2016).